

* * *

— Подвезете меня? — дверь машины открылась в дождь. Под ним стояла девушка. С ее шелковых прядей сыпалась бижутерией вода.

— А вам куда?

— Мне?...В Париж.

— Почему не Рим?

— В Риме я уже была.

— А я нет. Садитесь, такой дождь, промокнете насквозь.

— Теплый дождь.

Мокрая женщина заняла сиденье рядом с ним. Ее сырое возбужденное тело словно экватор надвое разделял кожаный ремень сумки. Таксист невольно еще раз скользнул взглядом по ее проступившим из-под мокрой ткани соскам. Девушка машинально поправила распахнутую коротенькую куртку, под которой прилипла к телу белая футболка.

— Можно, я сяду сзади?

— Можно. На два метра дальше от Парижа, — поправил свои очки водитель. — Так куда мы едем?

— В Париж.

— Я понял, что в «Париж». Скажите только, что это: кафе, ресторан? На какой улице? — рука его была готова набить навигатору адрес.

— Есть такой город во Франции, если вы не в курсе. Мне туда очень надо.

— Ну какой может быть Париж в такую погоду? — стало вдруг смешно водителю. — До него 2352 километра, — ответил спокойно, как навигатор, мужчина. Пассажирка увидела, как он ее, мокрую, рассматривает в зеркало заднего вида, будто оба они сейчас оказались в Зазеркалье, замерли, изучая друг друга, включив свои парапсихологические способности. Так и общались, словно зеркало было скайпом. Она пыталась уложить свои волосы, он — любопытство.

— Откуда такая точность? — застряли руки девушки в волосах, пытаясь придать последним объем.

— От рождения.

— Вы кто? — опустила она руки.

— Мужчина.

— Это я заметила, — снова принялась разбирать на голове мокрые пряди девушка, пытаясь их отжать. — А по профессии?

— Преподаю высшую математику, если вам это интересно.

— Интересно... Всегда было интересно,

чем отличается высшая математика от обычной? — нашлась незнакомка.

— Без лестницы не достать, — смотрел внимательно водитель на пассажирку, будто хотел глазами высушить ее подмоченную репутацию.

— Математик? Делать вам больше нечего, по ночам кататься по городу. Халтурите?

— Плюс бессонница.

— Математикам тоже не платят?

— Платят, но складывать не получается, — улыбнулся в зеркало Павел: «Симпатичная, но все еще мокрая курица».

— Цифры не дают спать?

— Да, голова забита нулями и единицами, что вредно для сна.

— По мне, так цифры — это самые точные слова. Ну, так мы едем?

— Едем. Осталось решить, куда, — сложил руки на руль Павел и оглянулся на незнакомку. Без зеркала он смог разглядеть ее лучше. Лицо было приятное, но чем-то обеспокоенное и все еще сырое. Не будь на улице дождя, можно было бы принять сырость за чувства. «Хорошо бы сейчас идти с ней по берегу моря, бросать камни от души, кто дальше. Рассуждать на высокие темы, что лежат выше моей математики. Философствовать о смысле жизни и ее бессмысленности, то и дело останавливаясь для поцелуев.

— Я вижу, вы торопитесь? Вас там уже ждут?

— Да. Только пока не знаю, кто, поэтому времени нет.

— Времени нет, мы его придумали, — пробурчал про себя мужчина.

— Что вы сказали, я не расслышала?

— У вас тоже цифровое восприятие жизни.

— У всех женщин цифровое восприятие.

— Потому что перед глазами всегда стоит возраст.

— Если бы он стоял, он же прёт как ненормальный.

— А у мужчин разве по-другому?

— Вам сколько сейчас?

— 37.

— Снимите очки.

— Зачем? — повиновался математик.

— Очки вас старят, без них я дала бы вам не больше 30. Вы и через 10 лет можете выглядеть на 37 и через 15. У женщины время летит.

— Значит, будем догонять, так куда мы едем? — снова посмотрел на дорогу водитель. Впереди от остановки тяжело отъезжал автобус, сквозь дождливое стекло, после каждого движения дворников, на его машину смотрела женщина. Она кого-то напоминала. «Показалось, обычная женщина, которой никто не уступил места, у которой не было лич-

ной машины, которая так или иначе ехала к морю. Жизнь любой женщины — это дорога к морю. Даже если утром на работу, она все равно идет к своему морю. В конце концов она дойдет, дойдет до точки, когда плюнет на все и действительно рванет к морю», — стало вдруг жалко женщину из автобуса или из своего прошлого водителю.

— В Париж, — ткнула девушка пистолетом в его раздумья. Ствол уперся в плечо.

— И часто это с вами? — вновь поправил очки математик.

— Что?

— Что вместо зонта вы берете пистолет? — ухмыльнулся сквозь зубы водитель. Теперь он разглядывал в зеркало заднего вида то, что было в ее руках. «Если даже настоящий, то наверняка не заряжен». Она повернула дуло к зеркалу, затем снова ткнула водителю в плечо.

По виду пистолет был настоящий. «35-й калибр», — холодно оценил огнестрельное разум. Как ни странно, страха не родилось — только непонятное удивление. «Глупая она женщина», — высказался его рассудок. «Вряд ли: либо влюбленная, либо разочарованная», — отозвалась душа. «Красивая. Жаль, если влюбленная».

— Только сегодня.

— Воскресенье — день с повышенным содержанием понедельника в крови.

Была ли она оптимисткой, она не знала, но она любила понедельники за возможность начать новую жизнь. Это совсем не значило, что она бросится ее сегодня же начинать, грело само существование такой возможности.

— Теперь вы убедились, что я не шучу, — пыталась она поймать испуг на его лице. Но мужчина был холоден, как теория относительности, будто это все происходило не с ним, точнее сказать, не с ними двумя, а только с ней. Она действительно волновалась: вторая рука не переставала ловить невидимые капли дождя на хозяйке, хотя бижутерия давно исчезла с витрины. Ювелирный магазин закрывался.

— Опять больная попалась, — положил ладонь на ручку переключения скоростей водитель, словно это была Библия, которая обязывала говорить «правду, и только правду». «У нее явно не все дома, надо срочно развести осадок души... на диалог, напроситься к ней «в гости», чтобы сделать косметический ремонт, помочь передвинуть мебель, наклеить другие обои не только в душе, но и в голове. Защитить, чтобы обезоружить», — снова глянул он на пушку в ее руках. «Когда женщина на грани, у нее плохо с равновесием. Она может упасть так низко, что потом будет трудно подняться».

— А что, уже были прецеденты?

— Вы думали, что вы первая? Нет, не обольщайтесь. Вчера одна просила подвезти ее к лету. Я ей говорю: «Какое вам «Лето»?», она мне: «Мне все равно, лишь бы скорее». Я повез к ближайшему «Лету». Говорю: «Все, приехали — вот ваш магазин». Она мне такое устроила.

— Какое?

— Пожалее ваши уши.

— Мне интересно, чего она вам наговорила.

— Что я тупой, бесперспективный, нет у меня ни капли воображения, а в голове сплошная жажда наживы, — стал на ходу сочинять математик. — Все было подано под таким ядреным хреном... Раньше мне казалось, что надо совершить какое-нибудь зло, чтобы оказаться в аду.

— Она заплатила за проезд? — стерла стволом невидимую каплю со своего лба девушка.

Стёкла машины начали покрываться испариной, будто ей самой уже надоел этот странный спектакль из двух действующих лиц в душном зале. Туман застилал глаза, оставляя их теперь один на один.

— Щас. Я готов был заплатить ей, лишь бы она вышла, — приоткрыл окно машины таксист. Сквозь эту брешь в салон сразу начали сыпаться куски дождя. — Уберите, это не-

обязательно, — кивнула его голова в зеркале.
Я все равно никуда не поеду.

— У вас нет шенгена?

— Есть.

— А что вам тогда мешает?

— Пистолет.

— Это? — повертела она дулом возле его уха. Я могу убрать, — откинула клапан сумки и сунула туда ствол. — А вы выключите радио, раз уж взялись жалеть мои уши.

— Вот еще, — прибавил громкости математик. Он спиной чувствовал, что кризис миновал — даму отпустило, и можно переходить в наступление...

* * *

— Я часто гдую, что могло бы случиться сегодня, начни я день не с кофе, а с шампанского.

— Весна наступила бы, не иначе, — ответил пронзительному женскому голосу мужской.

— Как на картинах Саврасова?

— Ага! Грачи! Прилетели.

— Судя по глаголу «грачи», ты давно один? — засмеялся в радио третий.

— Нет, с тех пор, как узнал, что Ава замужем. А ты?

— Уже нет, вчера такую девушку встретил.

— Какую?

— Порядочную.

— Не то что я, — засмеялась Ава.

— Я серьезно. Как ты думаешь, куда мне билеты взять, чтобы наверняка: в театр или на концерт?

— На море, — рассмеялась Ава. — На море бери ей билеты, Планшет.

* * *

— Едем? — нетерпеливо взялась она за переднее кресло, будто разговаривала с ним, а не с водителем.

— На море? — улыбнулся водитель

— Ну, что еще? Пистолет я убрала. Другого оружия у меня нет. Или вы про обаяние? — попыталась пошутить девушка.

— Я не хочу.

— А мне кажется, что хотите. Только не можете себе в этом признаться. Бойтесь.

— «Париж, Париж, сколько лет ты из-за него не спишь», — ухмыльнулся еле слышно таксист.

— Что вы там опять про себя бормочете?

— Страшная вы женщина. Откуда вы знаете, куда мне надо?

— Вы только что почти улыбнулись.

— Не может быть.

— Снимите маску. Без нее так легко улыбаться, — провела ладонью по своему лицу девушка, словно давала мастер-класс на личном примере.

— Скажите еще, с улыбкой можно больше продать.

— Ну, по крайней мере обаять.

— Вы знаете, что такое мужское обаяние?

«Он еще ничего не сказал, а я уже на все согласилась», — ответила она сама себе.

— Я знаю, — задумалась девушка, не зная, озвучивать свою мысль или нет. Вновь в разговор вмешалось радио:

* * *

— Ты сегодня на чем на работу ехала, на метро?

— Пешком шла.

— Я смотрю, какая-то придорожная грусть. Не изменяй своей улыбке с миной. Взрывоопасно.

— Не доводи меня, Селфи, я сегодня еще и токсична.

— Я понял. Тебя никто не любит... кроме меня, — запрыгал резиновый смех в динамике радио.

— Меня никто не любит? Смотри. Вот какую эсэмэску я получила сегодня.

— Читай вслух.

— Читаю. Ты была ко мне так добра, а я не очень. Вот и сейчас я изменяю тебе с чашкой кофе. Оставил тебя одну в постели. Я знаю, просыпаться одной для женщины — катастрофа. Постараюсь вернуться с работы пораньше.

P.S. Что тебе привезти?

— Кто это?

— Муж.

— Ты замужем? Значит, все это время ты изменяла мне с ним.

— Да, представь себе.

— Как трагично.

— Что трагичного?

— Хотел сделать тебе предложение, а ты уже там. Ну, и как там?

— Хотела выйти из себя, а там муж.

— Жизнь удалась, если вовремя отдалась, — влез в эфир Планшет.

— Охарактеризуй мне его.

— Муж — это человек, который может многое, если захочет, и может всё, если захочет его жена.

— Ну и что ты ему ответила?

— Нежности захвати.

— Какие нежности? Я даже не знаю, что это такое.